

ОСНОВНОЙ мыслью пьесы С. Алешина нельзя не согласиться. Ради чего живет человек? — спрашивает в своем произведении автор. И отвечает так: человек живет ради того, чтобы отдать себя людям, чтобы оставить им щедрые плоды своего труда, своих исканий, своего таланта, живет для того, чтобы бороться и создавать, чтобы верить тем, с кем вместе трудится и дерзает, чтобы беспощадно бить подлецов, засоряющих нашу землю, мешающих счастью хороших людей. Верно ли все это? Безусловно. Стоило написать об этом пьесу? Стоило.

И тем не менее с С. Алешиним хочется поспорить. Поспорить потому, что в зал Художественного театра во время представлений его пьесы «Все остается людям» часто проникает страшный враг искусства — скука. Потому что большинство талантливых актеров играет в этом спектакле далеко не в полную меру своих творческих сил. Отчего же так случилось? Каковы основные просчеты драматурга?

В последний сезон появились немало пьес, рассказывающих о советских ученых. В одних, как, например, в «Вот я иду!» Г. Березко или «Добрыни» Л. Зорина, изображены ученые, зазнавшиеся, завравшиеся бюрократы, далекие от науки, корыстолюбивые и честолюбивые, стремящиеся только к личному житейскому благополучию.

В других, как, например, в «Завещании» С. Ерылинского, показаны передовые ученые нашего времени, самоотверженно отдающие все свои силы, все время радостному труду на благо людей, ученые-мечтатели, ученые-творцы. В самом деле, настало время раскрасить в полный голос, увлекательно и ярко о труде создателей советских спутников Земли, о творцах новых «умных» машин, говорящих о великом прогрессе человеческой мысли, о замечательном техническом прогрессе нашей стра-

Что остается зрителям?

ны! Разумеется, плодотворная задача резного обличия приспособленцев от науки, порочащих звания советского ученого.

Но СТРАННО, стоит разным драматургам коснуться благородной темы изображения труда передовых советских ученых, как они очень часто совершают одну и ту же ошибку. Большой советский ученый, зачастую академик, предстает, как тяжелобольной, умирающий человек, духовное величие, героизм, мудрость которого раскрываются преимущественно в его борьбе со смертью, в борьбе с родственниками, которые чрезмерно

сцены, как, например, сцена у ученика Дронова Вязьмина, которого академик пришел поддержать в трудную для того минуту, исполнены Орловым вдохновенно, искренне, человечно. Мы непрестанно чувствуем горячее стремление актера рассказать большую правду о труде советских ученых, раздвинуть рамки пьесы, углубить данный ему драматургией материал. Мы видим, как в ряде случаев талант артиста успешно выполняет эту нелегкую задачу, как рождается на сцене поэтическое, возвышенное ощущение напряженных творческих поисков, смелого полета

звучание драмы — вещь хорошая. Но только при условии глубокого и ясного сцепления разных тем, их строгого подчинения главной авторской мысли. В пьесе «Все остается людям» разные затронутые драматургом темы не всегда органично соединяются друг с другом, главное же — в разработке каждой из них автор часто недостаточно последователен и глубок.

В спорах академика Дронова и дяди его жены — священника Серафима Николаевича автор ставит важный вопрос: нужна ли наука современному советскому человеку и что значит иметь «святое на душе»? Устами Дронова драматург очень верно утверждает, что человеку нужна не вера в загробный мир, а вера в людей, с которыми он живет и борется, что бороться и создавать — это и есть святое святынь нашего современника.

Но важный философский спор только начал. Он не получает должного развития. Лишь намечен, но не развит автором по-настоящему и образ священника Серафима, в роли которого Ю. Кольцов нашел отдельные интересные черты и краски, но не смог достигнуть цельности и глубины в раскрытии живого и по-своему современного характера.

НАКОНЕЦ, еще одна важная затронутая драматургом тема. Это — тема внимания к человеку, веры в него, заботы о нем, тема, получившая достаточно широкое распространение в драматургии последних лет. Она находит драматическое звучание в пьесе С. Алешина на примере судьбы Вязьмина, погибшего не только в результате коварного расчета Морозова, но и из-за черствости, равнодушия к нему Румянцевой. История лю-

бовных взаимоотношений Вязьмина и Румянцевой нарочито запутана, усложнена. Кажется, что все здесь не от жизни, не от правды достоверных человеческих характеров, а искусственно придумано, построено драматургом.

КАКОВ же итог? А кто танов — полноценных, выразительных характеров наших современников в спектакле не получилось. Пьеса не дала интересного, содержательного материала ни Ю. Пузыреву (Вязьмин), ни Т. Леяниковой (Румянцевой), ни С. Пиллявской, играющей глухую жену Дронова, ни В. Готовцеву, выступившему в роли друга Дронова академика Морозова, ни С. Гаррель — традиционного дисциплинированного секретарше, пекущейся о здоровье главного героя, ни А. Коломинцевой, пытающейся создать образ доброй, умной матери Вязьмина.

Стараясь охватить множество действительно актуальных насущных тем, автор не сумел ни одну из них раскрыть глубоко,

Мы видим, как режиссер спектакля Г. Копский пытается найти мягкую, лирически-душевную тональность спектакля, как он ищет выразительные, подчеркивающие значительность происходящего фины акты. Но стремление подчеркнуть значительность мыслей автора зачастую обматывает их поверхностностью многозначительности. А желание режиссера создать лирическую, теплую атмосферу любви к людям, веры в людей не всегда может преодолеть мелодраматизм ситуаций и образов пьесы. Автор сочинил немало внешне эффектных мелодраматических положений, пройдя мимо действительно существующих в современности подлинно драматических коллизий и столкновений.

Что же остается у зрителей после спектакля? Думается, что остается чувство неудовлетворенности тем, что ответственная современная тема — жизни, труда, борьбы советских ученых — не получила достойного воплощения.

А. Образцова,

ПЬЕСА С. АЛЕШИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

пекуются о его здоровье, а не в срешениях за идеалы в жизни и науке, не в творческом, напряженном процессе открытия новых, мирового значения научных истин.

С. Алешин довел эту исчерпанную тенденцию до крайности. Академик Дронов в его пьесе «Все остается людям» умирает на протяжении всех трех актов. Он при смерти, когда открывается занавес. Мы видим его в самом тяжелом состоянии, окруженного скорбящими родственниками и друзьями в финале. Правдивейший из правдивых Московский Художественный театр (постановка и режиссура Г. Косого) добился предельной точности в передаче тревожной атмосферы вокруг тяжелобольного человека.

В. Орлов умно и сдержанно играет Дронова. Он заставляет войти в глубину его мысли, безукоризненную честность, сердечное отношение к людям. Отдельные

человеческой мысли. И тем не менее неоправданный, превеликий акцент на опасной болезни Дронова увел и автора, и театр от последовательного, углубленного анализа его дел.

Что за двигатель изобрел Дронов? В чем состоят помехи, возникающие при его испытании на производстве? Тема приближения смерти Дронова отодвинула на второй план тему его созидательной жизни. Все тревожнее и тягостнее обстановка на сцене. Лица актеров — друзья Дронова бледны, заплаканы. Еще один ублюдок академичу, еще один. За первым припадком следует второй.

И в зале все отчетливее нарастает чувство раздражения, протеста и скуки.

В ТОРЫМ просчетом С. Алешина нам кажется торопливое нагромождение в одном произведении многих тем. Полифоническое